

ДАНТЕ, ШЕКСПИР И КАФКА ОДОБРЯЮТ: КНИЖНЫЕ НОВИНКИ

—
ДЕНИС ЛУШНЯНОВ
Родился в Москве, окончил
Институт журналистики,
коммуникаций и медиаобра-
зования МПГУ.
Писатель, журналист,
книжный обозреватель,

—
контент-редактор издатель-
ской группы «Альпина». Пишет
для журналов «Юность»,
«Прочтение», «Литрес
Журнал». Ех-обозрева-
тель эфира радио «Нига»,
работал в ГН «ЛитРес».

САША СТЕПАНОВА, «НЕ ГОВОРИ МАМЕ» (POPCORN BOOKS)

Когда молодого человека Майи убивают, она узнает, что он был убийцей или, как сам писал в дневниках, «санитаром», который чистил мир от «биомусора»: бездомных и просто тех, кого считал «нечистыми». Отец и мать Майи мертвы, а потому она переезжает к тете в небольшой город, меняет фамилию и думает, что все закончится, однако призрак прошлого преследуют ее. Майя запускает поднаст, чтобы разобраться и в себе, и в мотивациях мертвого молодого человека. Но вокруг творится черт знает что: «эхо» отца и его знакомых дает о себе знать, местные подростки носят странные клички и явно играют в какую-то сложную и мрачную иерархическую игру, а еще ходят на старое капище на железнодорожных путях — оно, некогда бывшее жертвенником, якобы исполняет желания. Вот и выходит, что, выражаясь словами самой Майи, она пыталась убежать от своей истории — но на самом деле привезла ее с собой.

Саша Степанова — амбассадор нового витка молодежной (и подростковой) прозы: остросоциальной, серьезной, мрачной, местами по-настоящему пугающей, но столь необходимой. Героиня переиздания «Не говори маме» постоянно оказывается в стрессовых ситуациях — так, что каждая ее клетка пропиталась ощущением тревоги. В чужих словах Майя слышит фантомные слова молодого человека, который пришел за ней, а в песнях — призывы к убийству. Сквозь весь текст звучит своего рода фоновая тревожная музыка, параноидальное состояние на грани срыва, которое лишь обостряется мрачной карнавальностью, — местные подростки, как замечает героиня, будто заигрались в «Страдающее Средневековье». Один зовет себя королем, другой — шутком, ему нравится «запах Майи», да и вообще он говорит что-то об андрогинах. Такой темный абсурд, достойный, казалось бы, театральных постановок в духе Кафки, проникает

в жизнь Майи и не оставляет ей ничего иного, как пытаться понять себя. А заодно разобраться со всем происходящим.

Утверждать, что в «Не говори маме» есть детективная линия, не совсем корректно: с одной стороны, героиня действительно постепенно восстанавливает цепочку событий, которые привели к гибели ее отца и убийству молодого человека, с другой же — это не ядро романа. Скорее спасательный круг для читателя, не дающий утонуть в мрачных психологических состояниях Майи, еще более мрачных дневниковых записях ее молодого человека и интертекстуальности, которой в тексте достаточно: от Властелина колец до песен-предсказаний. «Не говори маме» — это своего рода «Наролина» Нила Геймана, только с куда большим уклоном в социальную проблематику. И, конечно же, это такой концентрированный тру-нрайм, с которого, однако, сброшена мантия привлекательности. Одно дело — слушать подкасты, другое — видеть и чувствовать, как твоя жизнь погружается в непроглядную пучину маньячества, чудачества и горя. Перед девятым психологическим валом нужно найти точную опору. Майя и находит — в подкасте и некоторых людях. Не все здесь — пропащие.

«От духоты начинает болеть голова. Все чаще кажется, что я напрасно взялась за подкаст о Марте и всех этих людях. Его уже нет. Даже могилы не осталось — кремировали тайно, боялись, что информация о дате и месте похорон попадет в СМИ и церемонию сорвут или сделают что-нибудь похуже.

Мне написала Алина, сводная сестра Марта. Раньше я никогда с ней не общалась, знала только, что она есть. Мы встретились в центре буквально на полчаса: она сказала, что я могу прийти на кремацию, но, если решу иначе, никто не осудит. Еще сказала, что всегда чувствовала в Марте что-то такое. Что он способен убить человека. И не удивилась, когда все выяснилось. Наверное, рассуждала она спокойно, ему отомстили. Кто-то из родственников этих бездомных — у бездомных ведь обычно есть родственники, ты это знаешь? Необязательно никто их не любит. “Мне совсем его не жаль. Если бы его не убили, ты бы и дальше думала, что он нормальный. Может, замуж бы за него вышла”».

МАРИЯ ВОРОБЬИ, «ВЕРБЫ ВАВИЛОНА» («ПОЛЫНЬ»)

Дебютный роман Марии Воробьи — это бережная реконструкция древнего Вавилона, состоящая, с одной стороны, из мифов и легенд об этом городе (в основном почерпнутых из христианского канона), с другой — из исторической фантуры. История о жрице Шемхет, которая служит богине смерти и не может дать волю любви из-за данного когда-то обета, во-первых, на деле оказывается глобальным нарративом о гибели цивилизации (читатель видит Вавилон в годы заката) и судьбе «маленьких людей», что сильных мира всего в эти непростые времена. Во-вторых, это прекрасная стилизация под канон шумеро-аккадской литературы — Мария Воробьи использует и характерные метафоры, и необходимую ритмику, и специфический для этой культуры образный ряд.

Динамичный, но не прогруженный экшеном; распевающий, но не тягостный; серьезный, но не скучный, — такими словами лучше всего описать читательское ощущение от «Верб Вавилона». Это один из тех романов, который не только увлекает и поражает в процессе чтения, но и оставляет долгое, неуловимое послевкусие, этикетки от текста. Самое интересное — разобраться, какие именно они на вкус; понять, каким

мерилом все же оценивать всех персонажей: от реальных исторических персон, наподобие царя Валтасара, до выдуманных героев. Перед читателем оказывается грамотный исторический роман с магическими элементами (ожившими мертвецами, богами, демонами) — они, однако, лишь инструмент, с помощью которого Мария Воробьи воссоздает мифологическое мышление древнего человека.

«За окном был Вавилон – золотым стоял в утреннем свете. Чем ближе они подъезжали к дворцу, тем медленнее двигалась их повозка, тем больше становилось на улице людей. Кого тут только не было! Вавилоняне, евреи, лидийцы, скифы, персы, ассирийцы. Народы, которые шли к исчезновению, и народы, которые только народились. Вавилон мог переварить всех. Он был мировая утроба.

Город высоких стен, город городов, город расписных, высоких храмов, в которых спали статуи богов. Раз в год они просыпались, смотрели глазами из драгоценных камней, ехали на повозках, плыли на ладьях по холодной глади Евфрата: и простые люди видели их. В такие дни дым воскурений окутывал город.

Все это с рождения видела Шемхет.

Все это она любила».

ДЕНИС НИКОЛАЕВ, «ФЛИССА И МУРЧЕЛЛО. ТАЙНА МИРА СНОВИДЕНИЙ» («ИД МЕЩЕРЯНОВА»)

Девочка Флисса выходит из музея и теряет в толпе маму! А потом оказывается в странном отеле тетушки Уют и дядюшки Сна, где там же живут их волшебные ноты-помощники. Это необычное место. Сюда попадают души умерших, чтобы поспать, забыть прошлую жизнь и переродиться. Но живая девочка — нонсенс! Пытаясь понять, как Флисса попала к ним

в отель и нуда делась ее мама, дядюшка и тетушка выясняют, что все это — проделки отвратительного Магистра Кошмара. Ничего не поделывать: нужно созывать нотов и всех спасать!

Литературный дебют радиоведущего Дениса Николаева — это добрая волшебная сказка, которая, конечно, сложнее, чем кажется. За основу автор берет архетипический образ условного «чистилища», который перерабатывает в более игровых и повседневных реалиях; однако то, что сокрыто за отелем дядюшки и тетушки, понятно и взрослым, и детям. «Флисса и Мурчелло. Тайна мира сновидений» — роман, построенный на контрасте доброго и злого, светлого и темного: все образы здесь яркие, понятные и очевидные просто потому, что и они — своего рода архетипы. Динамичная, наполненная погонями и сражениями, эта история, однако, остается очень нежной и уютной и напоминает, пожалуй, одно из одеял, которые собиралась сшить тетушка Уют. Денис Николаев дарит всем родителям отличный повод познакомить ребенка со сложными религиозно-философскими концепциями, но делает это без морализаторства, просто и с интересом.

«Только что мама была здесь. Они вышли из музея. Флисса старалась не упустить мамину юбку в огромной толпе туристов. “Флисса, не отставай!” — говорила мама. Она спешила за короткий отпуск увидеть все достопримечательности города, название которого Флисса упорно не могла запомнить.

Она сильно устала. Чтобы привлечь внимание, Флисса попробовала покапризничать, но мама была увлечена рассказом гида. Девочка старательно держала в поле зрения и мамину юбку, и яркий флажок, который держал над головой экскурсовод. Но стоило ей отвлечься на секунду, чтобы завязать шнурочек, и все ориентиры потерялись в толпе. Везде были чужие ноги, и совсем не было видно маминной юбки. Флисса всегда была смелой девочкой, но теперь она испугалась. Вокруг был незнакомый город, и все говорили на чужом языке. Флисса от испуга сразу забыла все правила, которые они учили с мамой, на случай если она потеряется. Вместо того чтобы ждать на месте, когда мама вернется за ней, девочка начала метаться по улице в надежде найти маму или кого-нибудь из взрослых, с которыми они приехали в этот город на большом туристическом автобусе».

А. РАЙНЕР, «ЗАГЛЯНУВШИЙ» («ПОЛЫНЬ»)

Шейн совершает самоубийство, чтобы воссоединиться с погибшей сестрой, пускай он никогда — еще с детства, однажды чуть не утонув, — не верил в иной мир. И какново оказывается его удивление, когда «по ту сторону» он находит несколько слоев мироздания, где все зависит от энергий, в том числе энергий душ; ведь ничто, как говорят обитатели этого мира, не умирает окончательно, просто переходит в иной вид энергии. Но самоубийцам здесь приходится несладно. Руни Шейна покрываются черным — это отметка проклятого, он постепенно превращается в демона, — но у него еще будет шанс воссоединиться с сестрой, отомстить ее убийце и изменить свои убеждения о вселенной, которая на деле оказывается не чем-то одним, а целым Многомирьем.

Дебют А. Райнер — масштабное философско-религиозное полотно, основанное отчасти на сюжете «Божественной комедии», однако не повторяющее ее, ведь автор занимается собственным мифотворчеством, которое зачастую базируется и на образа ада, и на концепциях

сент мистического христианства. Потому в тексте и появляются причудливые демоны и существа всех мастей: от дев, соблазняющих героя, до огромного серебряного змея. «Заглянувший», построенный по омраченной фабуле Данте, во-первых, написан весьма в меланхоличной — а порой и депрессивной — тональности, а во-вторых, за счет уже упомянутого авторского мифотворчества, часто сближается с жанром фэнтези. Здесь есть очень яркий игровой элемент: Шейн, подобно персонажам видеоигры, попадает в разные зоны «мира иного» и совершенствуется духовно, все лучше познает и себя, и вселенную, оказывается ближе к встрече с сестрой (но возможно ли она?). Говоря терминами геймеров, «начает свой скилл». И если «Божественная комедия» — это роман-блуждание, то «Заглянувший» — все же приключенческий квест, пусть и написанный без излишнего задора видеоигр, в темных серьезных оттенках.

Местами книга стилистически — и на уровне образов — напоминает работы американского автора и художника Джеральда Брома. Однако, если откинуть все сюжетные перипетии, «Заглянувший» — история прежде всего о духовном росте и о тайнах бытия, где автор местами слишком уж ударяется в морально-философские рассуждения (не столь присущие рассказчику, если исходить из его характера), а иногда, особенно ближе к финалу, роман и вовсе становится излишне дидактическим. И все же «Заглянувший» остается увлекательным, необычным чтением с интересной концепцией и мимикрирующим под читателя персонажем. Лишь в том смысле, что Шейн — герой, который не просто становится лучше (это было бы совсем просто). Он постепенно учится принимать свою тень, без которой нельзя вообразить ни одного человека; ведь не бывает в мире ничего абсолютно ангельского и абсолютно демонического — даже там, за гранью. И такой путь — пусть без фантастических энергий и сражений

с ордами насенных-кровососов — может пройти науды: как минимум у себя в голове.

«— Надеюсь, ты извлечешь урок: самоубийство — величайшая ошибка из всех возможных. Если впрямь будешь бояться этой идеи, она никогда не овладеет твоим сознанием и не возьмет над ним верх. Ты ведь догадываешься, почему переродиться человеком так ценно?»

Я подумал о том, что отличает человека от остальных созданий. Он осознает себя и свое место в мире, волен в выборе, а спектр действий так широк, что он вправе даже сменить континент, на котором будет жить. Кроме того, человек отличается различными эмоциями, полон чувств, восприимчив к искусству и может его создавать. Тянется к познанию и стремится к совершенству, движимый верой в светлое будущее. Проще говоря, человек живет не только инстинктами, в отличие от животных. Наша жизнь — яркая череда обстоятельств, которые никогда не повторяются, это наилучшая комбинация возможностей для воспитания души».

ИРИНА РОДИОНОВА, «ДУША НА ЧЕТВЕРЫХ» («НИСЛОРОД»)

Героини Ирины Родионовой могут забирать себе воспоминания умерших, как бы поглощая не только их память, но и эмоции, иногда — некоторые черты характера. Занимаются они этим как волонтеры, порой таким образом разделяют душу между собой, порой — между родственниками погибших. И один такой случай становится для Галки, одной из центральных героинь-подростков, роковым: мужчина, память которого она забрала, постепенно пытается занять ее место. Галке и так не очень просто. У ее мамы тяжелая стадия рана, и Галка не готова смириться с ее скорой смертью, хотя сама вечно ходит по грани. У Маши и Даны — ее подруг-волонтерок — тоже есть свои проблемы: на Машу черной тучей давит детдомовское прошлое, а Дану дома ждет жестокий и пьяный отец. Просто ли совмещать свои судьбы с чужими, пусть и ставшими воспоминаниями? Ответ угадывается сразу: конечно, нет.

Социальная драма с элементом магического реализма — это, пожалуй, самое точное описание романа Ирины Родионовой. Автор прежде всего показывает себя мастером не событийного (внешнего) — он тут не соль важен, — а психологического (внутреннего) сюжета, когда все читательское внимание приковано к арнам персонажей, их переживаниям, рефлексии. Образ каждой героини здесь утяжелен, словно свинцом, определенными личностными или социальными сложностями. Уже одно только это задает тексту весьма мрачный характер, сводит все цвета до черно-белого. К тому же русская глубинка в романе изображена, как водится, весьма хтонически — с грязными подъездами, заваленными хламом нквартирами, алкоголичками-хабалками (они еще и учительницы) и другими бесовскими обитателями реальной жизни, — однако в тексте нет ничего мистического и потустороннего. Это тот вид бытовых ужасов, к которым зачастую любят прибегать авторы хорроров, когда необходимо показать, что привычная реальность, если наконец обратить на нее внимание, куда страшнее выдумок. Однако фантастическое допущение Ирине Родионовой все же необходимо — но, опять же, не для вовлечения читателя в сюжет. Это глобальная метафора, которая проливает свет на второй, не менее важный пласт текста — не социально-психологический, а философский. Ведь глобально, «Душа для четверых» — история о жизни, смерти и памяти

и том, что мертвецам иногда лучше оставаться абстрактными воспоминаниями. Да, они истлевают со временем, зато до конца жизни не довлеют на живых и не занимают их место.

«Каждый новый день затирал чужие воспоминания, они зарастали, как коряги в иле на речном дне. Оставалось что-то огромное и непосильное вроде нежданного острого счастья-вспышки, или потери, или аварии, в которой разбились трое, а ты вышла с ушибленной о подушку безопасности грудной, села на асфальт и расхохоталась – то ли жизни радуясь, то ли не соображая ничего. Бывало и такое.

Очень быстро что-то внутри определяло чужие эмоции, и вытаскивать их приходилось с усилием, долго расковыривать пальцами, счищать наносное, будничное. Все противилось – да, Кристина никогда не ездила на все лето в Грузию, не воровала инжир из-за проволочного забора, не работала слесарем-сантехником в ЖЭУ и не бегала по сырým полям с овчаркой Найдой, но... Кристина боялась, что в один день все эти воспоминания окончательно пропадут, и сохраняла их в картинах».

ЮЛИЯ БАБЧИНСКАЯ, «ИНКАРНАЦИЯ» («ПОЛЫНЬ»)

Норолество Монсальваж — это объединенные Англия и Франция, где благодаря Святому Граалю существует магия. Здесь реальны феири, а народ празднует языческие праздники — Самайн, Йоль, Мабон. Когда умирает старая королева, случается так называемая Инкарнация: новая правительница может быть найдена лишь спустя восемнадцать лет среди сорока случайных девчонок. И так выходит, что Адель, главная героиня, оказывается одной из претенденток... Ей придется пройти все испытания, узнать коварные (или не очень) планы канцлера Фроста, понять премудрости придворной жизни и как-то избежать брана по расчету, а самое главное — вернуть магию и понять, почему именно она стала королевой. Тьма же, иногда прикрывшаяся весьма милым ликом, тем временем не дремлет...

«Инкарнация» — новое прочтение цикла легенд о короле Артуре (с вытекающим Граалем, Феири, Авалоном, Эсналибуром, проклятым озером и проч.) в сказочном антураже со значительными элементами фэнтези. Юлия Бабчинская, с одной стороны, очерчивает очень условную эпоху нашего мира, с другой же — наполняет ее не просто волшебными (в мифологическом ключе), но и альтернативными реалиями: от, понятно, нового государства до новых мод — например, есть тут нони, которых за счет украшений делают похожим на единорогов; есть и платья с непростыми магическими корсетами. Но не только артуровский цикл становится основной «Инкарнации» — автор также обращается к тропу избранности и в некотором смысле деконструирует его. Ведь с первых страниц читатель уже догадывается, что именно Адель (на правах главной героини) станет королевой, однако все не так просто... и не только потому, что впереди — много испытаний при дворе, а после — еще больше шенспировских интриг и заговоров. К финалу все ниточки — и вынесенные на поверхность, и спрятанные в глубинах текста, — сойдутся.

Роман Юлии Бабчинской — это, как заметил один из героев, «многолетняя история любви и ревности». Все события настоящего здесь оказываются лишь последствиями некогда принятых решений. Отправная точка всего романа — ключевые эпизоды в прошлом королевства и его прави-

телей. Несмотря на то что текст на 90 % состоит из дворцовых интриг и планов «сильных мира сего», «Инкарнация» — очень личная история прежде всего о поиске себя, о предназначении, не лишенная ключевой для авторского замысла романтической линии. Весь сюжет — это становление героини. На непростом пути сначала к короне, а потом — к открытиям о реальном раскладе дел Адель предстоит узнать о многих предательствах и недомолвах. Иногда обманщиками могут оказаться даже самые близкие люди. Но была ли эта ложь во благо? Любовь, нелютская мифология и красивая жизнь аристократов — вот три волшебных дерева, на переплетенных кронах которых держится «Инкарнация». Ну, или, если поминать Шекспира, «прогнило что-то в волшебном королевстве». А решать все проблемы — бедной Адель!

«Все дороги и здания вели, конечно же, к самому Дворцу Грааля, Дворцу-на-Холме, но их процессия сворачивала с “тропы королевы”, направляясь к аббатству, перед которым раскинулась широкая площадь. Здесь собралась приличная очередь — все хотели прикоснуться к реликвии, — а еще с минуты на минуту ожидали прибытия королевских особ. Адель хотелось мельком взглянуть на принцесс, пусть она и будет завидовать их положению. В глубине души горел интерес: как они появятся перед народом, во что будут одеты, сколько морщин прибавилось на их беззаботных лицах. Но было и еще малюсенькое любопытство — сегодня сам Канцлер обещал явиться народу. Неслыханное событие!»

Канцлер Фрост был самой пугающей личностью во всем королевстве, о нем знали все, но мало кто его видел. О нем рассказывали жуткие вещи, и это странным образом будоражило Адель, которая представляла себе чудовище во плоти. Человек, который железной хваткой держал все королевство, подчинив себе даже принцесс, не мог быть добрым волшебником».

ОКСАНА ЕСИПОВА, «ПАРС ФОРТУНЫ» («АСТ»)

Завязка романа Оксаны Есиповой не предвещает беды: девушка уговаривает молодого человека сделать парные татушки. Что может быть страшного? Но вот Сергей, главный герой, уже замечает, как по указанию любимой идет мыть посуду. И наово оказывается его, человека прагматичного, удивление, когда он узнает, что татуировка была «зачарована». Теперь любимая может управлять им. Свести тату — значит сделать только хуже. Вскоре Сергей знакомится с местной ведьмой и девушкой-призраком на чердаке. Ему приходится скрываться — ведь его обвиняют в убийстве. Вот так, шаг за шагом, Сергей и оказывается по уши втянут в колдовской мир...

Оксана Есипова бережно переносит западную традицию мистических детективов в российские реалии, а потому такая шипучая смесь превращается в увлекательное, легкое и полное изобретательных решений чтение, чем-то напоминающее не то вывернутого наизнанку «Битлджуса» или «Ученика чародея», не то омоложенный в кипятке детектив Татьяны Устиновой, куда автор не побоялась добавить капельку невероятного. С одной стороны, события здесь развиваются стремительно, упор сделан на расследовании, и классическая детективная загадка приправлена множеством магических и мистических элементов. Они нужны не для того, чтобы сбить читателя с толку. Они — важная часть контекста. С другой — перед читателем очевидный любовный треугольник. Не менее важная миссия героев — разрешить его. Оксана Есипова не лезет слишком глубоко в головы персонажей, не выворачивает наизнанку все их психологические глубины, зато собирает из разрозненных кусочков увлекательный кросс-жанровый роман, где расследование, по сути, придется вести главному подозреваемому. Простая и динамичная, эта книга подойдет тем, кто хочет нырнуть в выдуманный сюжет, позабыть каждодневные проблемы и вынырнуть ободренным. И, к слову, не стоит думать, что роман будет напоминать условные «Дозоры» Лушняненко, — Оксана Есипова держится на расстоянии пушечного выстрела от приевшегося канона и наполняет текст мистиной на грани с фэнтезийностью. Но грань эту не переступает.

«Я выпустил руку ведьмы, но тревожно следил за ее действиями, аккуратно выглядывая в коридор. В открытую Ниной дверь робко вошли две девушки. Одна из них была небольшого роста, полненькая, как булочка, и румяная. Другая высокая, худая и бледная, с темными кругами под блеклыми светло-серыми глазами. Вместе они смотрелись очень комично, усиливая недостатки друг друга, но мне было не до смеха. Впрочем, увидев, что у обеих посетительниц глаза словно блюдца, а на лицах одинаково испуганное выражение, сам я немного успокоился и стал наблюдать за Ниной.

Теперь я понял, почему бабушка назвала ее скромной. В парике и каком-то странном сером платье в пол, которое больше напоминало мешок из-под картошки, Нина походила на отшельницу. Серую хламиду девушка натянула уже в коридоре, по дороге к двери, и я удивился ловкости и быстроте, с которой она это проделала.»

НСЕНИЯ СНВОРЦОВА, «ПТАШКА» («МИФ», СОВМЕСТНО С ПРОЕКТОМ «ЧЕРДАН С ИСТОРИЯМИ»)

Девушка Гнеда растет без отца и без матери в одном селении, но однажды к ней заявляется незнакомец, который говорит, что она наследница княжеского рода и ей срочно нужно отправляться на родину.

Оказавшись «при дворе», Гнеда, во-первых, узнает много нового о семье, во-вторых, попадает в череду политических интриг, многие из которых кончаются убийствами, а в-третьих, все никак не поймет, по-настоящему она любит или все-таки нет.

«Пташка» построена по шекспировской модели: все политические и придворные нарративы здесь намерны, читатель видит междоусобную борьбу родственников именно что изнутри, хотя ситуация располагает к какому-то масштабным внешним баталиям. Однако Ксения Скворцова концентрируется именно на психологическом фоне, а потому получается что-то вроде «Гамлета» или «Манбета» с их трагизмом и психологической замкнутостью, близкой к параноидальной. Однако перед читателем, безусловно, young adult (возможно, правда, находящийся на стыке с new adult) в красивой обертке, где все авторское внимание сосредоточено именно на психологическом — не физическом — взрослении Гнеды. Написанный в славянском сеттинге, текст лишен типичных для фэнтези магических элементов — здесь присутствуют разве что мифологичность и мистика, и то на уровне слухов, — а оттого конфликты героев обострены сильнее привычного. Неоткуда взяться пресловутому волшебному «богу из машины». Написанная в приглушенных тонах, «Пташка» чем-то напоминает романы Марии Семенович (с акцентами на иных темах) и, несмотря на стилистические недочеты, становится драмой не столько о поиске себя, сколько о поиске личного счастья, на пути к которому слишком много преград: от обычных предательств до ночей в холодных пыточных, почти без одежды.

«Гнеда никогда не рассказывала ему о своих стычках с мальчишками, а на вопросы о незаживающих синяках у нее каждый раз была готова новая отговорка. Что-то не давало Гнеде просить поддержки у ее дорогого Домомысла — то ли гордость, то ли боязнь огорчить старика. Во всяком случае Завид отлично пользовался положением и всегда оставался безнаказанным.»

Гнеде казалось, что смелость ему придавало молчаливое одобрение взрослых, которые никогда не относились к девочке с особенной теплотой и делали вид, что ничего не замечают.

– Никому не нужен нагулок! Все тебя бросили.

Завид наклонился и схватил девочку за ворот рубахи. Изношенное сукно жалобно затрещало.

– Подобрю выметайся из нашей деревни! А то тумаками тропинку укажем!

Гнеда пробовала сопротивляться, но парень был старше ее на несколько лет, да и гораздо крепче. Он с силой отбросил девочку – так, что она ударилась о камень.

– У тебя ни отца, ни брата! Кто тебя защитит? – Завид разразился злым смехом. – Может, Кузнец?»

ТАТЬЯНА ВЕШНИНА, «НИЖНИЕ ТЮРЬМЫ» (LIKE BOOK)

Денис всегда жил в мире фэнтези — коллекционировал фигурки, участвовал в реконструкциях... И так уж вышло, что в его мире появилось новое наказание, отчасти абсурдно-нафкианское: человека отправляют в заключение в одну из книг. Денис оказывается в восточном фэнтези, автор которого, конечно, не догадывался, что когда-то его книгу будут использовать таким образом. И пока Денис свыкается с жизнью в мире литературном, в мире реальном сюжет книги начинает меняться, и ее даже хотят выставить на аукцион...

Татьяна Вешнина работает на стыке сразу трех жанров: деконструируя жанр попаданчества, облекая этот троп в государственный механизм наказания, автор в то же время играет и с антиутопией, и с приключением, и с юмористическим фэнтези. Такую комбинацию жанров сложно встретить в современном литературном пространстве, и этим роман, безусловно, подкупает — есть в задумке нечто, напоминающее цикл о «Четверг Нонетот» английского писателя Джаспера Ффорде. К тому же мир «Нижних тюрем» совершенно точно собирателен: в романе, где заперт Денис, читатель найдет много общего с книгами, например, Джорджа Мартина (начать хотя бы с фамилии автора) и с популярным азиатским фэнтези, китайскими и корейскими новеллами. Но эта же комбинация, с другой стороны, играет с «Нижними тюрьмами» злую шутку: книга пытается быть всем сразу и ничем из этого полностью быть не успевает; для юмористического фэнтези здесь слишком скромны размах шуток, для попаданчества слишком мало и деконструкции жанра, и игры по правилам; для антиутопии слишком бледно обрисован «дивный новый мир». Даже финальный твист здесь кажется лишним. В сухом остатке — приключенческое фэнтези с большим количеством стилистических шероховатостей, которые несколько портят впечатление. Однако некоторые отдельные сцены в «Нижних тюрьмах» выходят либо очень яркими, либо по-настоящему смешными — кажется, что автору просто не хватило времени отшлифовать текст целиком.

«– Денис Левинский, вы приговариваетесь к заключению в книге сроком на двадцать лет без права на досрочное освобождение. Поскольку у вас совсем не было криминального прошлого и в вашей биографии отсутствуют какие-либо проступки, книгу мы выберем на русском языке. Мы вернем вас обратно из переплета в 2060 году, если, конечно, будет кого возвращать.

Да, это была суровая правда. Очень мало кто из заключенных доживал до момента освобождения со страниц вымышленных миров. Многих уничтожило жестокое повествование суровых рыцарских романов, норвежских саг и исторических трактатов о греко-римских войнах. Однако рекордсменом по количеству погибших по праву считалась не менее суровая русская классика. Одно дело – читать о каком-то знаменательном сражении, магическом мире или северном мифе, а совсем другое – оказаться его действующим лицом. Даже если тебя не убьют местные бактерии или вирусы, даже если ты окажешься достаточно смыленным, быстро разберешься, что к чему, и сможешь встроиться в структуру общества, остается еще слишком много “но”».

ЮЛИЯ ФИМ, «ВОЗРОЖДЕНИЕ ТЕМНОЙ» (NO SUGAR BOOKS)

В империи Чжао — альтернативном Китае — есть три франции: Светлые, Темные и люди. У Темных жизнь не задалась из-за мрачной внешности и способностей — они не могут создавать жизненную силу внутри себя, лишь забирают ее из окружающего мира. Их считают настоящим злом во плоти, преследуют и делают чернорабочими. Еще в империи Чжао есть вполне себе действующие пророчества, а еще... Впрочем, главная героиня даже не думала ни о какой империи Чжао. Просто хотела выключить будильник. А теперь очнулась в теле Лю Чживэй — Темной, родившейся в семье людей. Сперва ее приказывает убить собственный отец, ну а потом... череда погонь, интриг, знакомств, дворцовых переворотов, пророчеств и даже ссылка в трудовой лагерь. Впрочем, самое главное для Лю Чживэй — во-первых, понять, что вообще происходит, а во-вторых — спасти семью. Все по законам пророче-

ства. Читатель же постепенно будет наблюдать, как героиня становится злодейкой с понятной, в духе Дейнерис, мотивацией.

«Возрождение Темной» — первая часть трилогии и один из тех романов, которые не дают читателю опомниться уже с первых строк. Игра с канонами попаданчества здесь переплетается с серией интриг, дворцовых переворотов, недомолвок, а еще с миром, несправедливо разделенным на черное и белое, хотя правда где-то посередине. Однако Юлия Фим не вываливает на читателя гробовую плиту из политических перипетий и королевских интрижек в духе все того же старины Мартина — история оказывается на удивление легкой, бодрой и порой даже несколько поспешной. Хотя, может, оно и к лучшему, ведь «Возрождение Темной» — только первый анкорд трилогии, который, с одной стороны, выполняет свое предназначение: заинтриговать читателя, максимально быстро ввести в курс дела, а с другой — в спешке не дает насладиться трагедиями ни героев, ни мира. Однако Юлия Фим прежде всего создает очень колоритный и отчасти воздушный текст, с которым приятно провести пару вечеров; особенно тем, кто любит восточную культуру в ее многообразии — и традиционную, и современную массовую.

«Мысли Чживэй превратились в месиво из оттенков страха. “Это конец. Для всех нас”. Хорошие концы про попаданок бывают только в сказках, где одного только чувства юмора достаточно для победы. Недостаточно быть положительным героем в реальном мире, чтобы выжить.

“А я ведь и не положительный, — внезапно осознала Чживэй. — Все это происходит, потому что я — злобная демоница, способная убивать людей, не притрагиваясь к ним. Великие небеса, ведь я — убийца!”

Осознание этого хлестнуло Чживэй как пощечина. Она может убить его силой своей ци!

Чживэй сосредоточилась на энергии Светлого, но он сделал быстрое движение рукой, и ее горло сжала невидимая рука».

